

"Я думаю, что хотя это очевидная истина, что дети являются продуктом своего окружения и, следовательно, не несут личной ответственности, и общество, которое эти ужасные дети получают, когда становятся взрослыми, очень редко используется для какого-либо личного улучшения. Таким образом, если мы не всегда хотим прощать непростительное, у нас не остаётся другого выхода, кроме как относиться к ужасным детям, совершающим ужасные поступки в силу своего окружения, как к ужасным личностям, поскольку вероятность того, что они когда-нибудь станут кем-то другим, очень мала", - быстро и невнятно проговорил Гарри, который в данный момент был слишком зол, чтобы испытывать терпение такого святого притворщика, как директор.

Дамблдор посмотрел на Гарри грустными голубыми глазами, и Гарри тут же разорвал контакт: "Таким образом, у нас не остается другого выбора, кроме как стать лучше, потому что если не пытаться, то и прогресса не будет".

"Из вас получился бы отличный учитель, директор. Бесконечное терпение и удивительное чувство личной ответственности - очень достойные черты в воспитании заблуждающейся молодежи", - сказал Гарри и встал, чтобы уйти, не глядя на него.

"Пойдем, Седрик, закончим трансфигурацию. Самое меньшее, что мы можем сделать, это направить эти эмоции на что-то полезное".

Краем глаза Гарри увидел, как мальчик встал с кровати, и вышел из лазарета, бросив последний взгляд на спящую Пэнси, за которой все еще ухаживала мадам Помфри. Выходя из зала, он не удостоил Дамблдора даже взглядом, но кивнул Квирреллу, стоявшему у входа.

Тот ответил ему кивком.

"Бесконечное терпение и огромная способность к прощению", - пробормотал Гарри, когда они оставили лазарет позади себя. "Самые худшие черты, которые только могут быть у лидера".

"Что ты сказал?", - спросил Седрик, спеша за ним.

Гарри обернулся и, взглянув на несчастного мальчика, тонко улыбнулся: "Я сказал, что у тебя есть способности к трансфигурации и что мы сделаем это в кратчайшие сроки".

Это заняло немало времени, в основном потому, что они пересмотрели весь учебный план по трансфигурации, но после трех часов работы и Седрику, и Гарри удалось превратить металл в нечто органическое.

Седрик, по совету Гарри, выбрал что-то не очень сложное. Тот факт, что он вообще смог справиться с трансфигурацией, скорее всего, принес бы ему Превосходно, если бы он не допустил на экзамене других ошибок. Игла превратилась в червяка. Совершенно без вдохновения, но с добавлением удачного анимагического обаяния - впечатляющий подвиг для первого курса.

Гарри, не желая затмевать того, кто на двадцать лет моложе его, как бы мало он ни уделял внимания трансфигурации в этом году, превратил свою иглу в змею.

Небольшую змею, конечно, но даже маленькая змея имела массу в несколько раз больше, чем

червь, который имел массу в несколько раз больше, чем игла, что делало превращение в геометрической прогрессии более трудным.

"Впечатляет, как хорошо ты владеешь магией", - прокомментировал Седрик, с легкой завистью глядя на работу Гарри, а затем снова взглянул на своего жалкого червяка.

"Впечатляет, как хорошо ты общаешься с людьми, Седрик", - ответил Гарри, заставив мальчика покраснеть и отвести взгляд. "Это потому, что у меня хуже получается заводить друзей, поэтому у меня больше времени на тренировки".

"Но ты классный. Ты время от времени играешь с нами в квиддич и хорошо преподаешь", - сказал Седрик. "Я думаю, тебе просто не нужно так много друзей".

"Это правда, тебя и Пэнси мне более чем достаточно, у меня не такое большое сердце, как у вас".

"Я думаю, твое сердце просто слишком заполнено желанием научиться магии, чтобы в нем было место для большего", - сказал Седрик, и они оба рассмеялись, а затем погрустнели. "Надеюсь, с ней все будет хорошо".

"Я тоже, но она наверняка расстроится из-за того, что пропустила важный момент перед экзаменами", - заметил Гарри, заставив Седрика хмыкнуть.

"Пэнси любит учиться, потому что хочет знать, а не для того, чтобы просто держать это в голове".

Очевидно, Когтевран произвел на мальчика не самое лучшее впечатление.

"Это очень проникательно. Я рад, что вы здесь, со мной, в Пуффендуде", - сказал Гарри, прежде чем произнести быстрый темпус. "Но тебе пора возвращаться, уже поздно".

Седрик наклонил голову в его сторону.

"Ты не идешь?"

"У меня есть незаконченное дело. Эта комната находится достаточно близко к общей гостиной, так что у тебя не должно возникнуть проблем с возвращением".

"Я думал, ты уже закончил с чарами, над которыми работал с Флитвиком", - пожаловался Седрик.

"Тот проект закончен, просто у меня теперь новый проект, и он требует всего моего внимания, так как у меня мало времени на его завершение", - сказал Гарри и оттолкнул мальчика.

Седрик надулся, но ушел, оставив Гарри одного стоять посреди комнаты и смотреть на червей и змей, покрывающих пол. Они медленно начали превращаться обратно в иглы, и каждый раз, когда очередная игла падала на пол, в тишине комнаты раздавался звонкий звук.

Гарри не знал, сколько времени он так простоял, размышляя, но когда он перевёл взгляд на окружающую обстановку, единственной вещью, которую он оставил, была последняя сделанная им змея, слабо извивающаяся, поскольку её анимагические чары постепенно начали отказывать.

Он с любопытством уставился на свое творение и поднял руки, сосредоточившись. Гарри сжал

и обхватил каждый конец змеи своей магией, облегчая задачу тем, что змея принадлежала ему, полностью и безраздельно.

Медленно начал проталкивать кончик хвоста внутрь тела, словно каплю воды по соломинке. Только в этом случае, поскольку соломинка ела сама себя, она исчезала с той же скоростью, с какой становилась толще. Он не останавливался до тех пор, пока внутренности змеи не стали ее внешними сторонами, и он не смог сосчитать ее деформированные органы, белые позвонки и череп.

Щелчок пальцами заставил все это взорваться с небольшим треском.

Он все еще был зол. Невероятно. Но эта злость вдохновляла его. Гарри теперь точно знал, как не дать Распределяющей шляпе проникнуть в его мысли.

Вышел из комнаты, когда последняя игла упала на пол, растворившись в жестокости трансфигурации. До седьмого этажа Гарри не применял ни невидимость, ни блокировку звуков.

Он не встретил никого значимого и в 21:09 вошел в Выручай комнату, злясь на себя и готовый бросить в шляпу все свободные часы, пока они у него еще есть.

Гарри не решался позволить эмоциям просочиться в практику искусств разума, да и вообще в магию. Но, возможно, именно эмоции были нужны ему для прорыва, особенно если учесть, что предметом изучения был его разум.

<http://tl.rulate.ru/book/102387/3660075>